

РУССКАЯ ИДЕЯ ФЕДОРА АБРАМОВА

(Окончание. Начало на стр. 9)

так велело начальство. Каждый двор — своя драма, своя судьба, в которой отражаются все проблемы деревни, и главная из них, в которой берут начало нищета, неразумное хозяйствование и плохие результаты, — коллективизация. Кружение председателя Мысовского по деревне сродни поиску правды в фольклорных повествованиях, близки медленному избавлению от эзопова языка всей оттепельной литературы, у которой начал развязываться язык. Развязался он и у Мысовского — выпив в чайной с мужиками, он обещал 30% от выполненных работ отдать колхозникам. И работа началась! Так от разговора «вокруг да около» колхозных проблем автор указывает на необходимость перемен.

Единственный, пожалуй, положительный отклик на повесть принадлежал перу Г. Радова в «Литературной газете».

Критики вновь атакуют Абрамова и на этот раз за то, что он «отрицает огромную плодотворную работу партии и народа по подъему сельского хозяйства («Творить для народа», Вечерний Ленинград, 1968, 11 апр.). Пленум ленинградского горкома партии осудил публикацию очерка как грубую ошибку. Зубодробильные статьи исчислялись десятками. Однако самым тяжелым ударом для писателя стало письмо земляков в областной газете «Правда Севера». «Не туда зовешь нас, земляк, — писали авторы, — вы умалываете деятельность парторганизации, типизируете только отрицательное...» Под статьей 21 подпись людей, которых писатель знал с детства.

Организация «письма земляков» ничем не отличалась от других подобных инициатив. «Собрали нас в клубе, — рассказывала мне односельчанка писателя Евстолия Васильевна Клопова, — многие повесть не читали, я тоже. Журналист из «Правды Севера» В. Земцовский зачитал текст письма, подписать велел всем. Я не хотела, он пригрозил: сегодня Абрамова обсуждаем, завтра — тебя».

Тяжелое положение Абрамова в 1963 году усугубилось вниманием зарубежных издателей — повесть была переведена на европейские языки и выдержала несколько изданий. «Его поразительные откровения, — писала во вступительном слове известный литературовед Джордж Флойд, — отодвинули в тень даже произведение Солженицына «Один день Ивана Денисовича». «Абрамов превзошел Солженицына в двух аспектах, — писала «Вашингтон пост», — он углубился в наиболее большую, пораженную кризисом область всей русской жизни. Во-первых, история, рассказанная им, происходит в 1962 году, что означает комментарий к живым событиям».

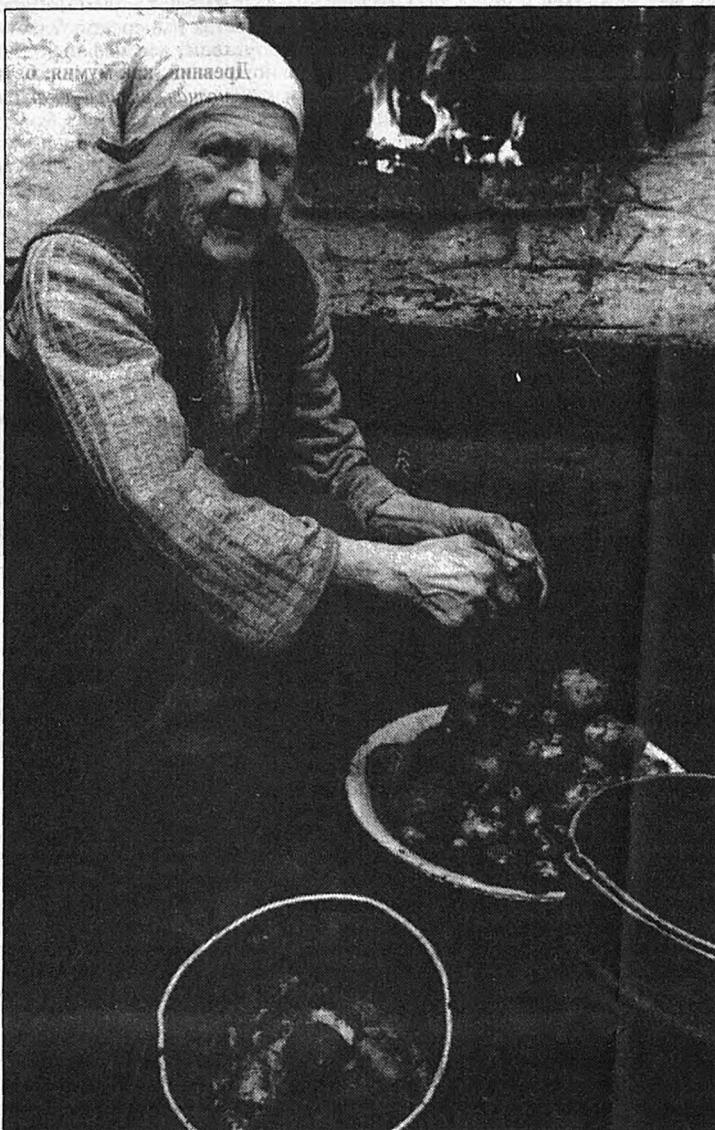
Критики Запада ясно увидели аналогии между жизнью сталинского заключенного и советского беспаспортного, фактически крепостного, крестьянина.

Советская критика заговорила об этом уже позже, позднее были написаны и статьи о повести, которую специалисты причислили к лучшим образцам беллетризированной публицистики. Но все это произойдет почти через 20 лет.

А еще через некоторое время тот же самый журналист Земцовский в той же «Правде Севера» будет писать восторженные заметки о знаменитом земляке.

НАСТАВНИКИ И УЧЕНИКИ

Педагог сельской школы А.Ф. Калинин, погибший по навету в лагерях, и староверка, родная тетка Ираида, от которой перешел отличный почерк и тяга к собиранию историй и сказаний, — вот самые первые наставники будущего писателя, о которых он сам не раз вспоминал в поздних выступлениях и рассказах. Преподаватели Ленинградского университета. Писатели и очеркисты В. Овечкин, А. Яшин, на которых оглядывался, с которыми иногда спорил. Несомненно, А.Т. Твардовский. Нечастые встречи, обсуждения, бурные редколлегии и не менее бурные последующие застолья — все это

Федор Абрамов писал о таких женщинах. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

подробно описано в дневниках, личность и творчество редактора «Нового мира» подвергаются здесь анализу самому пристальному. «Ему недоставало еретичества, чтобы стать гением» — в этой фразе Абрамова о Твардовском скрывается не только оценка, но и требование к писательству в целом.

Еретичеству он учился у Аввакума (тема старообрядчества постоянно присутствует в прозе, в записках), несомненно, его ораторский слог не давал писателю покоя во время работы над знаменитым письмом землякам в 1979 году. Абрамов не был религиозен, но судьбы воителей веры его влекли, будь то Франциск Ассизский или Иоанн Кронштадтский, кстати, не раз останавливавшийся в Веркольском монастыре по пути в родную Суру. В последние годы жизни Абрамов собирал материал для главной книги жизни, о Севере, революции на Пинежье, о земляках и путях российской интеллигенции. Придумал название — «Чистая книга», заметками о которой полны дневниковые записи. Дневник вел с юности, по примеру Льва Толстого. Лев Толстой вообще занимал особое место в его мироощущении — и как мастер психологического портрета, и как романист, и как философ. Идеи «деятельного добра», теория малых дел, которым посвящено немало места в поздней толстовской публицистике, были краеугольными для зрелого Абрамова. Равно как и идея «учительской», наставнической миссии писателя. «Писать — значит делать добро», «надо быть не писателем, а правдоустраите-

лем» — вот характерные, многократно повторенные им слова. Он старался соответствовать им — со всем личным упорством и темпераментом, неистовым трудолюбием и безжалостностью к себе и близким. «Писатель не может иметь семьи» — считал он, полагая, что все силы должны быть отданы призванию.

Как старший, опытный и получивший признание собрат, Абрамов был признан патриархом более молодыми «деревенщиками». В прямом смысле учеником Абрамова можно, пожалуй, считать разве что Василия Белова, которому Абрамов действительно всерьез помогал. Однако при всей симпатии к автору «Привычного дела» Абрамов писал и говорил о том, что Белову грозит опасность излишней романтизации крестьянского уклада, которая не дает видеть правду во всей полноте. И ведь оказался прав!

Нельзя не сказать и о том, что среди его учеников и друзей были люди совсем другого склада, сутубые горожане. Долгая дружба связывала Абрамова с Ю. Трифоновым, плодотворное сотрудничество — с Ю. Любимовым. Постановка «Деревянных коней» на Таганке в 1974 году стала событием для столичной интеллигенции (и снова — отчаянный бой с Министерством культуры, бесконечные закрытые обсуждения, о которых хранит память ЦГАЛИ). К театру он испытывал живой интерес, поражался, как Демидова и Славина перевоплощаются в северных крестьянок, на репетиции ходил без устали, подсаживал, спорил, восхищался...

ПИТАТЕЛЬНАЯ ПОЧВА ЗЛА

Споры о народном характере, противостояние «неозападников» и «неославянофилов», обозначившееся еще в период «оттепели», в период застоя конца 70-х достигли остроты почти политической (ибо отражали взгляды на судьбу России, а не только литературы), а в начале перестройки вылились в «гражданскую войну» в литературе. Традиционно всех «деревенщиков» многие участники битв в кушах российской словесности записали в «неославянофилы», что фактически означало крайний консерватизм, идеализацию патриархального прошлого, национализм, ненависть к реформам. Критик В. Васильев в конце 80-х объявлял Абрамова знаменем консерваторов (что сегодня делает и известный журнал «Русский дом»).

Ни творчество Абрамова-прозаика, ни его публицистика, ни письма и дневники, однако, не позволяют сделать такой вывод. И довольно трудно представить его (доживи он до наших дней) в сообществе современных мракобесов. Присущие ему совестливости, образование, стремление докопаться до скрытой сути вещей и здравый смысл едва ли позво-

лили бы это сделать, скорее я могу представить его в лагере обличителей кипливых патриотов и новообращенных православных фанатиков, клянувшихся народом.

К народу у Абрамова был свой счет. «Да, народ жертва зла, — писал он в дневнике, — но он и опора зла, и питательная почва зла». Эта фраза возмущала «неославянофилов», разрушала лубочный образ «простеца». Таких фраз немало раскидано не только в дневниках, но и встречается в рассказах, повестях и романах писателя. Коллективизацию у него проводят соседи кулаков, предательства и доносы 30–50-х — дело самих крестьян. Рядом с настоящими героями и героинями живут подлые и лизоблюды и предатели. Народ в творчестве Абрамова разностовен, разнолик. И, размышляя о народном характере, он писал о его «невыведанности» — в нем сочетается и удаля, и размах, и буйство, и рабство. Последнее волновало его многие годы, отразилось во многих рассказах, опубликованных уже после смерти, и прежде всего в «Старухах». «Надо знать свой народ, товарищ писатель», — ухмыляясь, говорит портрет Сталина со стены автору, удивленному тому, что старухи-крестьянки не хотят добиваться справедливости по отношению к себе же самим, боясь начальства. Полемикой со многими «деревенщиками» были и слова о том, что «кадения народу, непрерывное славословие в его адрес — важнейшее зло. Культ, какую бы форму он ни принимал, — всегда опасен для народа». («Дом в Верколе», 1981, с. 72).

Против этого культа направлено было и знаменитое письмо землякам «Чем живем-кормимся», опубликованное в 1979 году в «Пинежской правде» и перепечатанное в «Известиях». Не снимая вины за развал в сельском хозяйстве с руководства, Абрамов вопрошал — а сами-то жители что? Почему не могут наладить свой быт, жить в чистоте, работать честно, меньше пить за рулем трактора? Почему никто не готов принять ответственность за сегодняшний день на себя?

Многие писатели — и не только «деревенщики» — тогда возмущались таким отношением к народу, считая письмо ошибкой и случайностью. Взгляд же на все творчество писателя показывает, что оно закономерное следствие развития идей о «дейтельном добре» и личной ответственности каждого человека за происходящее вокруг. Эта идея личной ответственности, права и необходимости личного выбора коренным образом отличала прозу Абрамова от онтологической, натурфилософской прозы В. Белова, В. Распутина, в которых человек представлял частью крутоверта природы, но никак не свободной личностью.

Неудивительно поэтому, что и женские образы крестьянок, которым Абрамов, по определению И. Золотусского, спел «песнь песней», — это очень разные, яркие и вполне реалистичные характеры (также совершающие ответственный выбор), а не символические фигуры, рифмующиеся исключительно с неодушевленной природой, будь то корова Рогуля у Белова или вековые деревья у Распутина. Жизнь для Абрамова всегда была важнее и ценнее схемы, даже самой элегантной и художественной. И в этом снова его отличие от многих «деревенщиков».

Может, поэтому он и был более внятн для театра Любимова и Додина. И оказался ближе ко многим вполне городским школьникам, которые обсуждали «Пелагею» и «Альфу», расспрашивали родных о прошлом и учились понимать ту страну, в которой живем. Я была сама среди этих подростков, я помню Лизу и Михаила Пряслиных, как и других героев пекашинской хроники, и я рада принадлежать к тому поколению, которое еще застало бурные литературные баталии по поводу «Дома» Абрамова или «Старика» Трифонова.

Сегодняшний литературный ландшафт без этих споров был бы совершенно иным. И мне хочется верить в то, что историки изящной словесности сохраняют память о тех головах и судьбах, которые сражались за живое, честное и яркое искусство.

Федор Александрович Абрамов — один из них.

